

«Русский Журнал» (<http://www.russ.ru/>)

28 декабря 2005 г.

Владимир Каганский

Зональная природная основа культурного ландшафта России

В данном цикле о культурном ландшафте именно России уже шла речь - и еще пойдет. Не многовато ли даже на такую большую страну (впрочем, о ее размере я напишу отдельно, размер - одно из сложнейших понятий)? Но дело в том, что это явление - ландшафт - сложно и потому многоаспектно. В первой статье цикла говорилось о концептуальной идеализации, схеме. Здесь речь пойдет об ином, но тоже концептуализированно. Дело в том, что пространство большой (и даже не очень большой) страны постигается и, соответственно, может быть представлено именно и только концептуально; почему это так, я уже писал и в данном цикле.

Полагаю, что все привычные внешние характеристики России - я буду ее здесь понимать максимально широко - читателю известны, иначе он не лез бы за подробностями и новыми идеями.

Так вот, пространство России, ее культурный ландшафт кроме конкретной специфики, присущей каждому месту и всякой стране (например, огромная протяженность с запада на восток или наличие на ее территории уникальных природных объектов вроде Байкала или Каспия), обладает спецификой, не сводящейся к внешним характеристикам (их можно снять с карты или прямо увидеть, читая карту) или сумме достопримечательностей. Пространство России обладает очень яркой и четкой структурой, присущей именно России; именно эта же структура присуща и России в любом ее представлении, в любой из осмысленных версий этого понятия, присуща и ее крупным частям - Европейской России, северу Европейской России (так называемому Русскому Северу, хотя вся эта территория исходно и во многом и сейчас заселена угро-финскими народами), Сибири.

Культурный ландшафт России - яркое и явное наложение форм государства на ясную и четкую природную дифференциацию. Культурный ландшафт России, прежде всего, ландшафт природно-государственный. О впечатанности государства в ландшафт речь шла уже неоднократно, но почти ничего я не говорил о природном основании российского культурного ландшафта.

Именно этими природными основаниями мы и займемся в этом эссе¹.

В культурном ландшафте России его природные основания читаются особенно ярко еще и потому, что они и очень существенны, и сами по себе закономерны. Для

территории России в целом в природном отношении чрезвычайно характерна ясная система природных зон, в целом тянущихся с запада на восток и сменяющих друг друга с севера на юг, в общем, в зависимости от получаемого от Солнца тепла, - природная зональность. Весь культурный ландшафт России носит отпечаток природной зональности. Несмотря на столетие активной урбанизации (хотя и весьма проблематичной по результатам), внегородской культурный ландшафт - то есть доминирующая по площади его часть - до сих пор строго организован по природным зонам.

Сельскохозяйственная деятельность, на половине территории России (вторая половина - леса, болота и горы) формирующая общий рисунок культурного ландшафта и отражающая его природную основу, сам тип и уровень общей освоенности территории (в частности, выражающийся в соотношении освоенных сельскохозяйственных, городских, промышленных и т.п. земель и земель остальных (лесных, болотных и т.п.), очень четко и закономерно дифференцирована именно по природным зонам, хотя бы и измененным антропогенно: степь почти вся распахана, но распахана именно потому, что это была степь с естественно плодородными черноземными и близкими к ним почвами (в дифференциации сельского хозяйства в ином масштабе огромную роль играют иные факторы, и они будут рассматриваться отдельно). Взять хотя бы чрезвычайно характерное и видимое не то что из космоса и на космических снимках или на картах, а просто с борта самолета² размещение сельских (а исторически недавно и почти всех) поселений. В бывшей степной зоне - ныне распаханной - села сидят по берегам рек, речек и балок, приурочены к гидросети; к ней привязана и лесная растительность. На севере, в таежной зоне, все еще лесистой (хотя лес не раз вырубался почти на всей территории зоны - кроме болот, крутых склонов, некоторых столичных территорий и труднодоступных мест), напротив, берега рек менее лесисты, освоены и поселения стоят на берегах рек, выбирая высокие берега, сухие и незаболоченные. На юге, в степи, наиболее освоены междуречья, относительно плоские плакоры (специальный термин, означает относительно плоские водоразделы); на севере, в тайге, напротив, именно плакоры не освоены, они обычно заболочены и вся освоенная территория (это прежде всего луга - на них и основывалось, в частности, производство некогда знаменитого вологодского масла) жметя к речным долинам. Ландшафт исходной Северной России - приречной (особенно если еще вспомнить транспортную роль рек и рыболовство).

Различия ландшафта Северной и Южной России, условно «леса» и «степи», огромны и ничуть не преодолены, отчасти даже утрированы многовековой непомерной распашкой степи. Сейчас поговаривают даже о многовековой гражданской войне «леса» и «степи» как чуть ли не движущей силе политической и культурной динамики России; о

двух русских этносах уже и давно живут³. Значительная (высокого ранга) граница зон культурного ландшафта совпадает с границей Северной и Южной России (эти топонимы не в ходу - действует стереотип деления России на Запад (Европейскую часть) и Восток); она в ряде отношений значительнее, нежели чем политическая и этническая границы России и Украины. Таких примеров можно привести много.

Еще недавно природная зональность лежала в основе всей зональности культурного ландшафта (в том числе и зональности хозяйственной деятельности - за редкими исключениями крупнейших городов и азональной промышленности, подавляющая часть которой все же была и сама зональна, выростала из сельского природно-культурно-хозяйственного ландшафта и его венчала); основную часть своей истории Россия имела культурный ландшафт, строго организованный по комплексным широтным природным зонам. К ним, однако, дифференциация культурного ландшафта все же не сводилась. Но разве не везде так? Нет, не везде, хотя природная зональность - явление универсальное, но ярче и четче всего она именно на Восточно-Европейской равнине, на материале которой и была столь ясно описана. Кроме того, в иных местах зоны идут отнюдь не с севера на юг (скорее с востока на запад в Северной Америке, чему есть свои причины) или основой организации природного ландшафта служат не зоны, а азональные явления, рельеф, бассейны рек и дифференциация подстилающих почвы горных пород - крупные мозаичные районы, как в Западной Европе, или высотная поясность (высотная зональность), характерная для гор. Ландшафт же (Западной) Европы или Восточного Китая столь давно и глубоко освоен, что его природная основа уже плохо читается как таковая, а в России и, скажем, в Северной Америке читается хорошо.

Количество природных зон определяется по-разному в зависимости от масштаба и уровня детальности исследования; однако в зоны культурного ландшафта они превращаются отнюдь не прямым копированием - так различие тундры и лесотундры не имеет для культурного ландшафта русских и современного комплексного культурного ландшафта почти никакого значения, как и сами эти зоны, где русское сельское население незначительно, а городское население азонально, почти экстерриториально. Но эти же различия тундры и лесотундры имеют огромное значение для коренного, автохтонного населения. Так и степь вместе с лесостепью сейчас объединяет почти полное отсутствие лесной растительности (но исторически недавно и в степи, не говоря уж про лесостепь, были огромные массивы лесов) и высокая, чрезмерная распаханность; даже собственно степь сохранилась лишь в немногих заповедниках в этой зоне и на территориях военных полигонов. (На старом, еще с дореволюционных времен артиллерийском полигоне к югу от Оренбурга я и видел последний раз настоящую степь - да еще весной, в апреле, всю в

цветах - под дальние глухие звуки разрывов артиллерийских снарядов.) Имеет даже место обоснованная гипотеза антропогенного происхождения степи. Используя понятия сукцессии (закономерной, внутренне обусловленной динамики растительных сообществ) и климакса (конечного состояния этой динамики), следует сказать, что климаксными на всей территории России являются лесные сообщества, даже в степи и пустыне; обосновано мнение, что именно антропогенные явления, то есть именно старая и новая деятельность человека, мешает полному прохождению сукцессионного ряда и завершению его лесными климаксными сообществами⁴.

Тот ландшафт, который одним поколениям и группам предстает как девственный, для других является результатом их собственной деятельности. Но, во всяком случае, образ исконного, «настоящего» русского природного ландшафта - образ ландшафта, весьма глубоко трансформированного человеком и очень далекого от климакса, - дубрав на юге и ельников на севере; он не содержит никаких лугов и березовых рощ. Возможно, когда-то и тот пейзаж, который мы видим в «Сталкере» А.Тарковского - хороший визуальный ряд для понятия советского ландшафта, - каким-то группам будет казаться естественным и необходимым для жизни, и они будут требовать его сохранения и даже создания заповедников и противиться восстановлению на его месте нормального ландшафта⁵. (Так и для немалой части населения было бы осмысленно сохранить заповедник СССР.)

Преодолеть природную дифференциацию не удалось даже большевикам с их идеей господства над природой и триумфом планирования и проектирования⁶. Для понимания нашего ландшафта в канонической версии отечественной культуры, т.е. предельного литературоцентризма, надо читать А.Платонова. Советская власть пыталась многократно переделывать природу, стремясь подчинить и природный, и культурный ландшафт, хотя ни в одном документе КПСС или СССР мы этих словосочетаний не найдем. И это показательно: культурному ландшафту был нанесен максимальный урон, но он не существовал в онтологии власти; не существует и сейчас. Было стремление переделать весь ландшафт по единому образцу; нередко это были тучные черноземы Центральной Украины или Кубани; вся не столь уж давно воплощавшаяся программа подъема Нечерноземной зоны РСФСР (а в этом топониме разве не читается желанный стандарт?) стремилась перестроить хозяйство Средней и Северной России по образцу юга Европейской части СССР.

Почти перпендикулярно широтным природным зонам располагаются секторы: Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток (возможно и более дробное деление). С запада на восток четко нарастает

континентальность и сухость климата, иссякает мощное влияние западных атлантических воздушных масс; из-за ряда причин, в частности почти сплошного барьера гор, влияние Тихого океана и его морей гораздо менее значительно. Ландшафт становится суровее, его дробность (максимальная в Западной Европе) снижается с запада на восток; деление же материка Евразии на Европу и Азию с природной точки зрения не обосновано.

Таким образом, налицо естественная матрица природного ландшафта, получаемая взаимным наложением системы широтных природных зон и долготных секторов. Это наложение объясняет очень многое не только в природном, но и в культурном ландшафте. Эта же матрица до сих пор лежит, в общем, в основании экономических районов России.

Примечания:

1 Показательно, что автор интересной книги - Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1998 - был вынужден, характеризуя культурный ландшафт Балто-Ладоги как исключительно трансформацию природного ландшафта, исключить Петербург.

2 Но в окна и иллюминаторы теплоходов, автобусов, поездов и самолетов редко кто смотрит: российские пассажиры чрезвычайно нелюбознательны и, видимо, презирают свою страну, раз не пользуются всякой - и не требующей никаких дополнительных затрат - возможностью ее узнавать, видеть, понимать.

3 Яковенко И.Г. Северорусская и южнорусская народности. Этнокультурные и политические аспекты // Куда идет Россия?.. III. Социальная трансформация постсоветского пространства. - М.: Аспект пресс, 1996.

4 См. Разумовский С.М. Избранные труды. - М.: КМК Scientific Press, 1999.

5 См. мою статью «Толкование экологического кризиса как феномена массовой культуры» и статью Оскольского А.А «Глобальный экологический кризис: существует ли он и как его встречать?» // Ресурсы ноосферного движения. Вып. 2. Мат-лы междун. конф. - Рыбинск, Рыбинский Дом печати. - 2004.

6 Советское пространство - одновременно и триумф проектного подхода к ландшафту, проектизма (см. соответствующий раздел моей книги «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство»). - М.: НЛЮ, 2001 и «Главные подходы к ландшафту // Русский журнал»), и свидетельство его величайшего поражения: спроектированный СССР распался именно на те составные части, из которых он «изготавливался» и которые и были функциональными деталями его непростой, но совершенно неживой и неодушевленной конструкции (см. указанную книгу).